

Диана Фад

Ты мне (не) нужна, малышка

УДК 82-3
ББК 84
Ф15

Фад Д.

Ф15 Ты мне (не) нужна, малышка / Диана Фад. – М.: Литнет, 2026. – 208 с.

ISBN 978-5-521-99739-8

– Ты навсегда опозорила себя! Я так и знала, что ничего путного из тебя не вырастет! – мать с яростью смотрит на меня, а у меня в душе словно наркоз с обезболивающим начинают действовать. Я чувствую, как замораживает всё. Как волной идет по позвоночнику и касается на пробу сердца. Раз толчок, два... И тишина. Я не чувствую ничего, и, Господи, как же это хорошо – ничего не чувствовать!

– Всё сказала? – спокойно смотрю на мать, а та покрывается красными пятнами.

– Да как ты смеешь со мной так разговаривать?! – переходит она на визг.

– Как заслужила, так и говорю. Пропусти.

Иду мимо матери, слегка задев ее плечом. Останавливаюсь у двери, трогаю ледяную бронзовую ручку.

– Никогда больше не лезь в мою жизнь, поняла? Тебя для меня больше нет, – говорю матери и выхожу из дома, прикрыв дверь за собой.

Знак информационной продукции согласно Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99739-8

© Литнет, 2026

© Фад Д., 2026

Глава 1

– Сядь прямо! – окрик матери заставляет меня дернуться и пролить пару капель какао на белоснежную скатерть.

Вжимаю голову в плечи и зажмуриваюсь, сейчас начнется.

– Нет, это невыносимо! – сердито возмущается мама. – Андрей, ты что, не видишь, что она делает всё мне назло!

Папа сидит с газетой в руке и чашкой кофе в другой. Бросает на меня мимолетный взгляд и вздыхает.

– Настя, ты придираешься к ребенку, – пытается успокоить маму, но это бесполезно.

– Это я придираюсь? Ты смотри, как она сидит? У нее точно искривление позвоночника! – продолжает возмущаться та. – И скатерть опять испорчена.

– Ты недавно водила ее к врачу, ничего такого нет.

– Они просто не видят!

– Своди к другому врачу, в чем проблема? – папа начинает заводиться, а я осторожно ставлю чашку на блюдце.

Руки дрожат, в голове полная мешанина от испуга.

– Выйди из-за стола, Лиза, и постарайся не попадаться мне на глаза до обеда, – сердится мама, а я пытаюсь не торопиться, медленно встаю и делаю шаг к выходу из столовой. – Ее точно нужно отправить в пансионат для таких девочек, пусть там займутся ее воспитанием.

Выхожу из столовой и срываюсь на бег, когда меня никто не видит. Слезы жгут глаза, но я пытаюсь не дать им прорваться. Плакать нельзя, мама увидит.

Прячусь в своей комнате, стараясь заглушить громкий голос матери, который доносится из столовой. Закрываю за собой дверь и облокачиваюсь на нее. Внутри все сжимается от боли. В голове колом стоит мысль: «Почему всё так сложно?»

Мой маленький мир, где есть хотя бы уголок спокойствия, затоплен переживаниями. На полке рядом с кроватью стоит мой любимый

плюшевый мишка. Я подхожу к нему, обнимаю крепко, как будто надеюсь, что он сможет забрать всю ту тревогу, которая навалилась.

Достаю из книжного шкафа альбом для рисования. Рисование всегда помогало мне успокоиться. Беру карандаши и присаживаюсь на пол. Рисую пейзаж: зеленый луг, на котором растут цветы. Вдалеке солнце, мягкие облака. Пытаюсь забыть о криках, о том, как мама сердится, о том, что я не знаю, как ей угодить. Чтобы я ни делала, ходила, говорила, сидела, всё не так. Мама говорит, что у меня умственная отсталость, но я не знаю, что это такое. Пыталась найти в интернете, но ничего не поняла. Единственное, что мне было понятно, что, как правило, таких детей отправляют в специальные больницы, где их наблюдают врачи. Мама тоже хочет отправить меня в какую-то школу для девочек. Это точно для таких, как я. Правда, папа пока против, он говорит, что со мной всё в порядке и мама преувеличивает. Но я-то знаю, что это не так. Потому что я всё делаю не так, как нужно. Это точно болезнь. Я больна неизлечимо.

Поэтому я рисую. С каждой линией на листе я чувствую, как мне удастся немного отвлечься от реальности. Цвета как будто наполняют меня теплом. Но вдруг в голове звучит мамин голос: «Ты должна быть лучше!».

Настроение снова падает. Последние штрихи на рисунке становятся смазанными, я чувствую, как струйки слез снова подступают к глазам. Но я сдерживаюсь, зная, что не могу потерять контроль над своими чувствами. Мне нельзя плакать, я должна быть всегда сдержанной и с легкой улыбкой на губах.

Рисунок готов. Я смотрю на него и улыбаюсь сквозь слезы. Сейчас это единственное, что приносит облегчение.

«Может, когда-нибудь всё будет по-другому», – тихо шепчу белому плюшевому мишке и прячу альбом под кровать. Нельзя, чтобы его нашла мама, снова все отнимет и мне не на чем будет рисовать. Надо придумать, как пережить этот день, а за ним следующий, такой же. Может быть хуже? Теперь я знаю, что может.

– Лиза, если я сказала идти в свою комнату, это не значит, что нужно сидеть на полу и бездельничать?! – я буквально дергаюсь от окрика матери и испуганно смотрю на дверь.

Она стоит там, сверля меня сердитым взглядом. Красивая, холодная, яркая. Да, я слышала как-то от учительницы музыки, которая приходила заниматься ко мне домой. Она сказала, что моя мама яркая. Если бы я рисовала свою маму, то это был бы черный, красный, даже алый и белый цвет. Именно эти цвета я не люблю и стараюсь ими не рисовать.

– У меня нет сегодня занятий, мама. Выходной, – медленно встаю с пола и сажусь на край кровати, но тут же вскакиваю.

Кидаю короткий взгляд на покрывало, нет, не измяла.

– Если у тебя нет занятий, то можно бездельничать?! – закипает мама. – Немедленно бери скрипку и иди, повторяй пройденное.

Она разворачивается и уходит, а я сглатываю болезненный ком в горле. Медленно иду к гардеробной комнате и достаю оттуда тяжелый футляр со скрипкой. Я ненавижу скрипку! Но признаться в этом маме нельзя. Она решила, что я буду знаменитой скрипачкой. Учителя меня хвалят, но я-то знаю, что никогда не полюблю музыку. Именно эту музыку, потому что... Я ненавижу ее... Музыку и свою мать. Так нельзя, я знаю. Вообще не любить кого-то это плохо.

Но я люблю папу, хотя его почти не вижу. Я люблю соседскую собаку, которая недавно родила милых щенков, и еще кота, что часто сидит на крыше других соседей. Я бы очень хотела его нарисовать. Он черный, с белой грудкой, толстенький. У нас нет животных, совсем. Мама их не любит. А папа как-то сказал, что она никого не любит, кроме себя. Я не знаю, что это значит, но, наверное, папа прав. Он всегда прав. И я думаю, что мне нужно научиться так же. Любить только себя.

Глава 2

– Доктор, пожалуйста, проверьте у моей дочери слух. Мне кажется, что она меня не слышит, – мама в алом костюме и черной блузке вызывает у меня почти панику, но я едва сдерживаюсь, чтобы не закричать, обхватив голову руками.

Мне нельзя нервничать, мама сказала, что таких отправляют в дом сумасшедших. Каких таких, я не поняла, но с тех пор перестала спорить с мамой.

– У вашей девочки все в порядке со слухом, – терпеливо отвечает доктор, у которого мы были в прошлом месяце.

Хотя какая разница, когда мы были в клинике? Мы постоянно сюда ходим.

– Но она не реагирует! – негодует мать.

– Возможно, будет лучше ВАМ посетить психотерапевта? – врач задумчиво смотрит на меня, а потом переводит взгляд на маму. – Вам обеим.

– Вы хотите сказать, что моя дочь ненормальная?! – я закрываю глаза, чтобы не слышать крик матери.

Я всегда так делаю, пытаюсь отключиться. Иногда мне удается полностью уйти в свои мысли, забыть на время о том, что происходит вокруг.

– Я не говорил, что она ненормальная, не преувеличивайте. У нас в клинике замечательный специалист. Кристина Ильинична хоть и не детский психолог, но вам нужно пообщаться с ней. Поговорите о дочери, я вижу, у вас к Елизавете довольно высокие требования...

– И что?!

– Вы слишком много хотите от своей дочери...

– Слушайте, вы детский педиатр и не имеете право делать выводы, в которых некомпетентны. Пойдем, Лиза. Найдем другого доктора. Пойдем, я сказала!

Меня дергают за руку, и я открываю глаза, слезая с кушетки. Секунда уходит на то, чтобы вернуться из своих образов и мыслей. Послушно иду за матерью, разглядывая мозаику в коридоре. На стенах интересные персонажи, скорее всего из каких-то мультфильмов, которые смотрят дети. Я не ребенок, и я не смотрю такую чушь. Мама сама выбирает мне фильм, что мы будем с ней смотреть. Но здесь так интересно, что я невольно замираю около красивой девушки с белыми волосами до пола. Вокруг нее словно метель, летают снежинки, а голубая с блестками шубка развивается под ветром. Очень красиво! Я бы хотела так рисовать.

– Елизавета! – подпрыгиваю на месте и иду к матери, чуть ускорив шаг, так как бежать это тоже некрасиво.

И сталкиваюсь с каким-то мужчиной, больно оседаю на пол, стукнувшись своей пятой точкой.

Мужчина в голубом костюме приседает на корточки и подает мне руку, улыбается. Я это вижу сквозь черную бороду, что закрывает его подбородок. У моего папы нет бороды, мама не любит.

– И куда мы так спешим, красавица? – глаза у врача такие веселые, с лучиками морщинок по бокам.

– Я не красавица, – отдергиваю у него свою руку и встаю сама, стараясь не испачкать голубое шерстяное платье. Однако белые колготки на коленях с серым пятном. С ужасом смотрю на эту отметину.

– И кто тебе сказал, что ты не красивая? – спрашивает меня доктор. – У меня дочка такая же, как ты. Тебе сколько? Восемь лет?

– Почти десять, – отвечаю я и тут же прикрываю рот ладошкой. Мне нельзя говорить с чужими!

– Елизавета! – мама подходит к нам и начинает улыбаться. – Добрый день.

Мужчина встает с корточек и поворачивается к маме, а я вижу, какой он большой. Кажется, даже выше папы.

– Ваша дочь упала, я хотел помочь ей подняться.

– Спасибо, что проявили чуткость, – продолжает улыбаться мама, трогая руками свою идеальную прическу. – Мы были у педиатра, такой некомпетентный мужчина!

– Да что вы говорите? – удивляется врач. – На Дмитрия Сергеевича никто не жаловался до этого времени.

– Значит, я буду первой! Он отправил меня и мою дочь к психотерапевту! – возмущается мама. – Вы верите в то, что мы ненормальные, по нам видно?

– А при чем тут психотерапевт? Возможно, вам чуть нужно откорректировать свое поведение...

– И вы туда же! – перестает улыбаться мама, перебивая врача. – Позвольте узнать, с кем я говорю?

– А, я не представился. Главный врач клиники Любимов Сергей Геннадьевич. Хирург.

– Вот как...

– Да и поверьте мне, наш детский педиатр довольно опытный врач. Послушайте его и сходите на прием к психотерапевту. Хуже не будет.

– Конечно, вам бы только деньги с нас брать! Вы знаете, кто я такая?!

– Понятия не имею.

– Да если хоть один журналист узнает, что я посещала мозгоправа...

– Не беспокойтесь, у нас в клинике и не такие люди бывают...

– Что значит и не такие?!

Я вжимаю голову в плечи, представляя, что последует дальше. Если мама начала хвастаться своим положением, не к добру. Сейчас начнет звонить папе, и если он сразу не приедет, то вечером будет самая настоящая истерика. Надо что-то делать...

– Мама, я в туалет хочу, – заявляю громко на весь коридор и вижу, как мать становится почти бордовой. Но свою перепалку с врачом прекращает.

– Не буду вас задерживать, – хмуро произносит врач. – Всего хорошего.

Короткий взгляд на меня и кивок маме. Приятный врач удаляется, а мама больно хватает меня за плечо и шипит на ухо:

– Еще раз скажешь такое при людях!

– Нет, мамочка, но я правда хочу в туалет.

– Пошли!

Я мысленно облегченно вздыхаю. В этот раз обошлось без приезда папы и скандала. Терпеть не могу куда-то ходить с мамой, обязательно мне за нее будет стыдно. Но во всем виновата я. Это со мной она ходит по больницам, куда-то еще. И всегда я веду себя неправильно, не так, как нужно. Со мной точно что-то не так.

Мы приезжаем домой, и я спешу скрыться в своей комнате, но пока переодеваюсь, слышу громкий разговор. К нам кто-то пришел. Осторожно выглядываю из комнаты и спускаюсь по лестнице на пару ступеней. Вижу, стоит мама, а напротив нее парень. Он довольно взрослый, высокий и такой красивый, что я невольно люблюсь. Но его слова заставляют меня замереть от ужаса.

– Мам! – громко зовет кого-то парень или это он обращается к моей маме?!

– Я тебе больше не мать. Это все осталось в прошлом. Я ушла от твоего отца, он обещал, что ты никогда не сунешься в мою жизнь.

Глава 3

– Зачем отец послал тебя ко мне?

– Он не посылал, – словно через силу отвечает парень. – Я сам пришел.

– И мой адрес тебе не Виктор дал? – усмехается мать. – Уходи, нам не о чем разговаривать.

– Ошибаешься, нам есть о чем поговорить, – вдруг со злостью отвечает парень, и я пугаюсь. С моей мамой так нельзя разговаривать! – Я хочу знать...

– Что ты хочешь знать? – шипит мать, и я сама не понимаю, почему вдруг решила вмешаться.

Но мне показалось, что если я сейчас не отвлеку маму, то парню будет очень плохо. Поэтому с необычной для меня смелостью появляюсь на лестнице и специально топаю по ступеням.

– Мама, ты долго. Привезли мое платье? – мама поднимает голову и смотрит на меня так, что пугает до дрожи.

– Можно уже померить? – я намекаю ей на платье, которое ждем сегодня из магазина. Платье к субботнему приему. Обычно я в это никогда не вмешиваюсь, привезли и привезли, но сейчас это лишь предлог, который мне потом вернется в виде наказания.

– Лиза, иди к себе в комнату, – строго отвечает мама. – Это не курьер. Я сейчас провожу молодого человека и поднимусь к тебе.

– А кто это? – пытаюсь улыбнуться парню, но тот даже на меня не смотрит.

– Никто, иди в комнату, я сказала! – мама рывкает так, что вся моя смелость улетает без следа.

– Хорошо, мама, – тихо отвечаю ей и срываюсь с места, убегаю к себе в комнату.

И что я, правда, бросилась на защиту этого чужого мне человека? Теперь достанется мне.